

Научная статья

УДК 930.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.20>

Военный дневник барона Н.Н. Врангеля «Дни скорби. 1914–1915 гг.» как исторический источник

Аркадий Анатольевич Мурашев

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
Москва, Россия, ulan-udensky@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется информационный потенциал военного дневника «Дни скорби» барона Н.Н. Врангеля. Барон Николай Николаевич Врангель (1880–1915) в отечественной истории личность притчевая – за свою короткую жизнь занял одно из виднейших мест в пантеоне лиц Серебряного века: устроитель многочисленных выставок, посвященных русскому искусству XVIII–XIX веков, автор выставочных каталогов, книг и множества статей, публиковавшихся в журналах «Русский архив», «Старые годы» и «Аполлон». Дневниковые записи барона Н.Н. Врангеля дают уникальную картину жизни фронта и тыла в первый год мировой войны, а также переживания, настроения мысли и чувства самого автора, ставшего ее непосредственным участником, чутким наблюдателем и ярким летописцем. В ходе анализа источника определена хронологическая амплитуда дневниковых записей (крайние даты, регулярность), проанализированы источники и состав материалов, дан обзор главных сюжетов, волнующих автора, выявлены трансформация восприятия бароном Н.Н. Врангелем мировой войны и особенности проявления личности автора на страницах «Дней скорби», а также их информационная ценность и потенциал для характеристики общественных настроений в Российской империи и освещения деятельности учреждений Красного Креста и других организаций военного времени.

Ключевые слова: барон Н.Н. Врангель, дневник, Первая мировая война, повседневность, Красный Крест

Для цитирования: Мурашев А.А. Военный дневник барона Н.Н. Врангеля «Дни скорби. 1914–1915 гг.» как исторический источник // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 124–130. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.20>.

Original article

War diary of Baron N.N. Wrangel «Dni scorbi. 1914–1915» as a historical record

Arkadiy A. Murashev

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia,
ulan-udensky@mail.ru

Abstract. The author analyzes the information potential of the war diary «Dni scorbi» by Baron N.N. Wrangel. Nikolai Nikolayevich Wrangel (1880–1915) is a parable figure in Russian history – in his short life, he has become one of the most prominent people of Silver age: he organized numerous exhibitions dedicated to Russian art of the XVIII–XIX centuries, created exhibition catalogues, books and many articles published in the magazines “Russian archive”, “Old years” and “Apollo”. Diary entries of baron N.N. Wrangel give a unique picture of the life of the front and rear in the first year of the world war, as well as the experiences, moods of thought and feelings of the author himself, who became its direct participant, a sensitive observer and a bright chronicler. The amplitude of chronological diary entries (dates, frequency) was determined, the sources and composition of materials were analyzed, an overview of the main subjects of concern of the author was given, the transformation of Baron N.N. Wrangel’s perception of the world war and manifestations of the identity of the author in “Dni scorbi” was determined as well as their information value and potential for the characterization of public sentiment in the Russian Empire and the work of the institutions of the Red Cross and other wartime organizations.

Keywords: baron N.N. Wrangel, diary, First World War, everyday life, Red Cross

For citation: Murashev, A.A. (2022) War diary of Baron N.N. Wrangel «Dni scorbi. 1914–1915» as a historical record. *Society: Philosophy, History, Culture.* (3), 124–130. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.3.20](https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.20) (In Russian).

20 июля 1914 года барон Николай Врангель, вернувшись с Дворцовой площади, где он слушал Высочайший манифест о войне с Германией, сделал первую запись в дневнике, который назвал «Дни скорби»: «Сегодня первый день новой эры в истории всего человечества, такой

страшный и необычайный день, что просто дух захватывает от того, что Великая Судьба скажет в книге жизни. Ибо в летописях мировой истории этот день будет отмечен, как поворот к новому существованию всех народов...» (Врангель, 2001: 15).

Дневниковые записи продолжались – Николай Николаевич, оставив службу в Императорском Эрмитаже и отложив до лучших времен столь захватывавшие его исторические штудии, занялся работой в петроградском Красном Кресте (прием и устройство раненых в столичных лазаретах), а с 18 сентября трудился уполномоченным на санитарном поезде великой княжны Ольги Николаевны – фактически до его неожиданной смерти в середине июня 1915 года в Варшаве.

Судьба дневника не менее драматична – мать, баронесса М.Д. Врангель, вскоре после смерти сына передала рукопись «Дней скорби» вместе с другими материалами в Рукописный отдел Академии наук. В советское время четыре тетради с дневниковыми записями хранились в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА) (Ленинград), в 1968 году три тетради исчезли из архива («находятся в розыске» (Банников, 1992: 346)) и в 1973 году оказались в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина (Москва), оставаясь, несмотря на их археографическое описание (Записки..., 1976: 161), неизвестными для исследователей отечественной истории и культуры. Выявленные и объединенные тексты дневниковых записей четырех тетрадями (3 «московских» и одной «петербургской») вышли в 2001 году отдельной книгой «Дни скорби».

С тех пор дневниковые записи, вышедшие из-под пера человека, обладавшего исключительным литературным талантом и пронзительным взглядом на стремительно развивавшиеся события, коренным образом менявшие историю Европы и мира, воспроизводятся и анализируются в работах, посвященных биографии и творчеству барона Н.Н. Врангеля (Золотинкина, 2004; Злочевский, 2016), но практически (едва ли не единственное исключение – книга голландского историка Э. Кронера (Kroner, 2010: 22)) не попадают в поле зрения отечественных (Шевырин, 2003; Туманова, 2014; Айрапетов (1), 2014; Айрапетов (2), 2014) и зарубежных (Lieven, 2006; Фуллер, 2009) исследователей истории Первой мировой войны.

Представляется, что анализ военного дневника позволит более полно раскрыть его информационный потенциал и значимость для разноплановой и более объемной характеристики событий на фронте и в тылу в первый год мировой войны. При разработке информационных материалов дневника барона Н.Н. Врангеля были использованы источник-ориентированный и проблемно-ориентированный подходы в сочетании с методами контент-анализа и критического анализа источника, а также метод событийной реконструкции.

Дневниковые записи в «Днях скорби» – всего 103 – находятся в 4 тетрадях. Первая тетрадь с эпиграфами – «Небываемое бывает» и «И в небесах я вижу Бога» – начата 20 июля 1914 года: «Наша маленькая повседневность среднего человека, в серой яме петербургского существования не может, конечно, охватить весь горизонт настоящей драмы. Видишь в “щелочку Бытия” только клочки происходящего, но и они дают так много, что чувствуешь себя ничтожной букашкой на литургии, творимой Великим Божеством» (Врангель, 2001: 17).

Вторая тетрадь открывается записью от 8 августа, третья тетрадь – первая запись от 24 октября – имеет подзаголовок «На пути», и, наконец, четвертая – «В Красном Кресте» – обрывается записью от 3 июня 1915 года. Следующим идет комментарий баронессы М.Д. Врангель: «3-м июнем заканчивается этот дневник – кем вырваны последующие страницы – не узнала» (Врангель, 2001: 141). Известно о двух письмах (от 6 и 10 июня) Николая Николаевича, посланных из варшавского госпиталя незадолго до его кончины (15 июня) – «написанных чернилами и совершенно неизменным почерком» (Врангель, 2001: 142–143) в Петроград. Очевидно, эта дневниковая тетрадь (вместе с другими вещами покойного) была передана родителям после возвращения тела барона Н.Н. Врангеля в Петроград, где он был похоронен 19 июня на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Увы, о дневнике не упоминается ни в письме от 13 июня С.Л. Бертенсона, коллеги по Красному Кресту (Врангель, 2001: 143–144), ни в письме от 7 июля сестры милосердия варшавского госпиталя Викторовой – на ее руках умер Николай Николаевич – к баронессе М.Д. Врангель (Врангель, 2001: 311–313).

Записи разнятся по объему – наряду с краткими заметками о каком-либо событии есть и развернутые полифонические зарисовки, они ведутся более-менее систематически, особенно в первые месяцы войны, когда Николай Николаевич находился в Петрограде и имел возможность записывать «впечатления дня» на страницах дневника в своей квартире на улице Бассейной. С ноября 1914 года, когда барон Н.Н. Врангель, уполномоченный санитарного поезда № 81 великой княжны Ольги Николаевны не единожды выезжал в прифронтовые районы (Ивангород–Вильно–Кельцы–Рига–Митава–Варшава и т. д.), дневниковые записи прерывисты. Они снова становятся более регулярными с апреля 1915 года, когда Николай Николаевич обосновался в Варшаве, где занялся написанием исторического очерка о деятельности Красного Креста Северного района в первый год войны.

Временные лакуны дневниковых записей могут быть заполнены, а впечатления от увиденного (подчас весьма лаконичные) – развернуты и уточнены другими материалами врангелевского наследия – в частности, его интервью столичным газетам (На позиции..., 1914), а главным образом содержанием писем, адресованным родителям на *Бассейную*, 27:

«24 апреля. Милая мама, сейчас вернулся в Ригу из Митавы, где все начинает успокаиваться и входить в колею. Взял уже билет и буду в Петербурге 29-го утром (очень прошу приготовить ванну). Вижу много разнообразного и интересного и поездками очень доволен. Обнимаю Кока»¹;

«29 мая <Варшава>. Отчего не пишешь? Что делается у Вас? Я писал дважды. Объезжаю разные учреждения по фронту и часть книги уже написал. Где Пип (брат Петр – А.М.)? Жара здесь сильная, но в общем хорошо. О делах никто ничего не знает. Обнимаю. Кока»².

Некоторые записи дополнены последующими авторскими комментариями – «Ныне (5-го марта 1915 г.) просматривая эти записи, должен с грустью отметить...» (Врангель, 2001: 55), отсылками на другие источники: «Сличи с Оранжевой книгой» (Врангель, 2001: 23), «Этому противоречат газетные сообщения» (Врангель, 2001: 25) и т. д.

В тетрадях имеются комментарии баронессы М.Д. Врангель, сделанные при передаче рукописи в Академию наук, а в четвертую тетрадь включены «Примечания матери автора [Последние дни автора дневника]», а также вклеены некрологи о смерти барона Н.Н. Врангеля из российских и иностранных газет («Новое время», «Русские ведомости», «Речь», «Утро Юга», «Le Figaro», «Биржевые ведомости» и др.).

Присутствуют поденные записи – «я, внимательным оком следящий за событиями, окружающими войну» (Врангель, 2001: 109); фиксация ситуативной повседневности: «Был вечером на учредительном собрании нового общества помощи беспризорным детям запасных. Дело хорошее, но я чувствовал себя дураком, не имея ни опыта, ни умения в этом полезном деле»; «Сегодня прибывают первые партии пострадавших от удушливых газов <...> Я был на вокзале – встречать пострадавших. Три поезда, набитые этими несчастными. Подвозили полумертвые тела. Страшное и неизгладимое впечатление производят посинелые, окоченелые, застывающие тысячи людей с мертвыми остановившимися глазами, тяжело дышащие и оцепенелые» (Врангель, 2001: 27, 132) и т. д.

Барон Врангель, желая понять значимость происходивших перемен, внимательно следит и размышляет над информацией столичных газет («Новое время», «Речь», «Петербургская газета», «Сельский вестник», «Армейский вестник» и др.) относительно освещения ими текущих событий:

«4 августа. Тягостное впечатление производит молчание газет о всех военных операциях. Понятно, что стратегические планы и чисто военные действия должны оставаться в тайне, а не разглашаться, как в прошлую войну. Но следовало бы, во что бы то ни стало, оглашать эти действия несколько времени спустя, т. е. тогда, когда они потеряют значение для противника, но для нас, оставшихся здесь, все же будут драгоценны. Ибо только таким образом можно поддержать связь войска с сердцем России, их родиной, и дать твердую уверенность в победе, так как нельзя же без конца верить правительству “в кредит”. Грустно и то, что такое вынужденное молчание отнимает от войны и всю ее романтическую прелесть, убивая в корне общий народный энтузиазм. Не зная имен наших военачальников, не имея сведений об отдельных проявлениях доблести, Россия не будет иметь и своих героев. А какой же подъем восторга может быть у нации, когда она не знает, из кого сотворить себе кумира и кому нести свою благодарность за поражение врага» (Врангель, 2001: 33–34).

Среди других источников информации – устные рассказы лиц, с которыми барону Врангелю приходилось общаться в Петрограде и в поездках на фронт: «Гр[аф] Д.И. Толстой, со слов мин[истра] вн[утренних] д[ел] г. Маклакова, рассказывал мне»; «Сегодня профессор Оппель, вернувшийся с театра военных действий, рассказывал много занимательного» (Врангель, 2001: 24–25, 69) и т. д.

Запись рассказа, как правило, сопровождается тонкими психологическими характеристиками собеседников, прелестно стилистически обработанными.

Например, великий князь Николай Михайлович («Я был очень рад встрече с Великим Князем, которого я искренно люблю за его ум и оригинальный независимый характер»); лидер октябристов А.И. Гучков («На меня он произвел очень живое впечатление, и после невыносимой тоски чиновничьих разговоров беседа с ним доставила огромное наслаждение» (Врангель, 2001: 76, 111) и др.

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 48.

² ИРЛИ РАН. Ф. 60. Ед. хр. 6914. Л. 54.

Не менее любопытны дневниковые зарисовки и о встречах с «безымянными» людьми, в частности: «23 апреля. По дороге в Митаву познакомился в поезде-эшелоне с поразительным полковником, с такой ясной, прямо ангельской, душой, какой мне еще не довелось видеть. Каждое слово и каждый жест этого необыкновенного человека полны такой изысканной деликатности, христовой доброты и человечности, что существование одного такого человека искупает грехи тысяч подлых ничтожностей. При этом этот незнакомый, украшенный георгиевским оружием, наверное, и отличный храбрый и дельный командир, что видно из отношения к нему его подчиненных, и из всех кратких его приказаний. Из разговора с этим необыкновенным человеком я, между прочим, узнал, что в наших войсках совсем нет карт, и многие пользуются немецкими картами лейпцигского издания, образец коей был и у полковника» (Врангель, 2001: 124–125).

Впрочем, зачастую источник информации обозначается, так сказать, «размытыми» констатациями: «В городе ходит рассказ»; «Столь же чудовищен другой слух, также, однако, знаменательный»; «Здесь <в Петрограде> все только и говорят о кошмарной истории ареста шпионов»; «Здесь <в Варшаве> много говорят о повешении одной из сестер милосердия, занимавшейся политической пропагандой среди войска» (Врангель, 2001: 18, 22, 104, 133) и т. д.

Николай Николаевич счел необходимым включить в дневник и различные документы – в частности, докладную записку о намерении барона Н.Н. Врангеля, блестяще владевшего пером и имевшего опыт издательской деятельности (журналы «Старые годы» и «Аполлон»), начать – вместе с друзьями В.А. Верещагиным и Л.К. Стефанским под эгидой Военного ведомства – издание газеты для солдат «Война за мир». В газете – наряду с оперативной военной информацией («известия с отечественного театра войны», «известия о военных действиях союзных держав», «описание наиболее доблестных подвигов русского солдата») – предполагались рубрики, долженствовавшие рассказывать о жизни «тыла»: «положение сельского хозяйства и забота правительства о нуждах деревни», «деятельность земств, городских учреждений и частных лиц в области призрения семейств запасных и призора их вдов и сирот», «хроника важнейших патриотических проявлений в столицах и на месте» и т. д. (Врангель, 2001: 29–30). Инициатива – о ней, к слову, не упоминается в исторических штудиях, посвященных соответствующей проблематике (Гужва, 2009; Асташов, 2012) – не была реализована из-за отказа со стороны правительства в денежной субсидии.

Есть в дневнике и подготовленная бароном Врангелем обстоятельная записка о состоянии санитарной части на Юго-Западном фронте (с конкретными предложениями по улучшению положения), а также его статья «Ключ к сердцу», опубликованная в газете «Речь» в порядке полемики с А.Н. Бенуа.

Барона Врангеля едва ли заподозришь в стремлении к фильтрации информации (проблема возможной самоцензуры автора), так как в дневнике, помимо газетных вырезок, представлены документы – служебные циркуляры, секретные телеграммы, рапорты и т. п. – попадавшие в руки Николая Николаевича. Последнее – наряду с подчас экспрессивными характеристиками некоторых высокопоставленных особ – похоже, и понудило баронессу М.Д. Врангель при передаче тетрадей (в двух конвертах) в Академию наук снабдить их надписью: «Покорнейше просят вскрыть в 1940 году»¹.

Обращение к содержанию «Дней скорби» свидетельствует о разнообразии тем и сюжетов, которые барон Н.Н. Врангель счел необходимым зафиксировать и осмыслить в своем дневнике. Это атмосфера и настроения жителей столичного Петербурга в первые дни войны: «21 июля. Невозможно описать волнение и энтузиазм, охватившие Петербург после объявления войны. Такого возбуждения, восторга и спокойной покорности воле Судьбы я никогда до этого времени не видел. Только в такие высокие минуты, когда человек соединяется с человеком всеми своими помыслами и ощущениями, понимаешь все величие и *необходимость* войны. Только война, потрясая все человечество, может пробудить в нем чувства, которые, казалось, уже не существуют и как ни странно сказать, но пока будет война – не умрет и благородство ощущений. И обратно – при воцарении мира, о котором так бесплодно мечтают все пацифисты – настанет и день бездушного безразличия и сытого равнодушия – этого злейшего врага всякой поэтической мысли и духовного усовершенствования. Нет, как ни ужасно, как не страшно кровопускание мировой бойни, но необходимо оно и только ею очистится и облагородится отупевшее и разжиревшее человечество» (Врангель, 2001: 19–20) и т. д.

Характер записей меняется после устройства барона Н.Н. Врангеля в Красный Крест, когда ему приходилось целые дни проводить на вокзалах, а по вечерам записывая в дневнике: «5 сентября. Я глубоко возмущен организацией или, правильнее, дезорганизацией Красного Креста и особенно Северного района. Поступая в это “заведение”, я гордился, что могу быть хоть чем-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 653. Оп. I. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

либо полезен делу помощи раненым, теперь же я стыжусь своего участия в Красном Кресте. Казалось бы, что в такие минуты, как нынешние, надо бы позабыть и о мелких самолюбиях, и о распрях, и о тщеславных достижениях. На деле же мы видим другое. Все ссорятся, интригуют, завидуют – мало кто хочет действительно помочь. Северный район напоминает сумасшедший дом, где все мечутся, не зная, что кому делать» (Врангель, 2001: 57–58).

Подобного рода наблюдения и грустные размышления встречаются (и усиливаются) на страницах дневника после того, как барон Н.Н. Врангель вместе с санитарным поездом стал ездить на фронт: «8 ноября. Беспорядков на местах с каждым днем все больше. Один начальник не слушается другого, и все жалуются друг на друга. Приказания одного отменяются другим, и так до бесконечности. Сегодня мы встретили военно-санитарный поезд, который две недели стоит вдали от станции среди поля, так как его не хотят пропускать “в виду скопления”. А в других местах раненые валяются неделями без призора и все вследствие нераспорядительности и неумения начальников эвакуационных пунктов. Поражаешься легкомыслию этих лиц, образцом которого может послужить нижеприводимый циркуляр всем начальникам поездов, каковой мы получили сегодня» (Врангель, 2001: 82).

Дневниковые записи свидетельствуют об эволюции восприятия войны Николаем Николаевичем: «20 июля. Мне думается, что грядущая Война, в которой все Великие Державы примут участие – разрешение векового вопроса о борьбе двух начал: божеского и человеческого <...> Дай Бог, чтобы новая страшная война дала жизнь первому Началу, ибо только оно и живительно и многообразно и только ему и нет конца» (Врангель, 2001: 15–16).

Приведем и одну из заключительных записей: «8 мая. Наши правительственные бестактности, по-видимому, переходят всякие границы возможного. Хотя бы, например, пожалование Государем Верховному Главнокомандующему (великому князю Николаю Николаевичу – А.М.) золотой шашки “За освобождение Червонной Руси”! Ведь, не дай Бог, отдадим мы Галицию и сдадим Перемышль, и как же тогда будет глупо себя чувствовать обладатель этого преждевременного знака отличия? Нет, такта у нас положительно нет и, особенно, у “Обожаемого Монарха”!» (Врангель, 2001: 130).

Что касается определения преднамеренности или непреднамеренности «Дней скорби» как исторического источника, то сам Николай Николаевич рассматривал свои записи как «эпизоды “житейского муравейника”, которые я заносу в эту книгу», особо подчеркивая, что «даже крошечные крупинки нынешних событий имеют значение и всякий кто может, должен их собирать» (Врангель, 2001: 17).

А потому в дневниковых записях блистательного представителя петербургской богемы, участника всевозможных литературных мистификаций и розыгрышей, завсегда знаменитой «Бродячей собаки» (d'Ensky, 2020: 57–62) можно встретить зарисовки трагических, драматических, а подчас и комических эпизодов и сценок с оценками внимательного наблюдателя-бытописателя:

«14 ноября. Немало позабавил меня и келецкий губернатор – тип “начальника губернии” почти опереточного характера. “Зорко наблюдая за порядком” (которого не было), он тоже хотел показать свое участие в деле. В толпе стонущих и рыдающих калек, – какой-то безногий почему-то обратил его внимание.

– Где жандарм, позвать сюда жандарма, – заорал губернатор.

Жандарм вырастает перед ним.

– Почему этот раненый сидит на земле? – подать ему камень!..» (Врангель, 2001: 88).

Сдается, что разножанровые «крупинки», запечатленные и постоянно накапливавшиеся в тетрадах, со временем могли получить иное назначение, сопоставимое, а, быть может, и превосходящее то, что им было написано в его знаменитых исторических штудиях (Врангель, 1910; Врангель, 1913), в которых – об этом не раз писали современники (Венок Врангелю..., 1916: 111) – проявился его немислимый «дар оживления прошлого». Разумеется, далеко не все увиденное и осуществленное бароном Н.Н. Врангелем в первый год войны получило отражение на страницах «Дней скорби». В частности, в бумагах Николая Николаевича сохранились черновики статей «Митава», «Седлец», «Полоцк», «Общество Черноголовых», а также конспект намеченной им книги «Польша–Россия»¹.

О том, что поденные записи барона Н.Н. Врангеля – это уникальный исторический источник, соединивший в себе не только черты дневника-хроники, но, несомненно, и записок для памяти, свидетельствует мемуарная реплика его отца, барона Н.Е. Врангеля: «Ужасы войны побудили его глубже вдуматься в мировые вопросы, во многое, на что прежде, поглощенный своими

¹ ИРЛИ РАН. Ф. 60. Ед. хр. 6920.

специальными занятиями, он не обращал внимания. Кругозор его расширился, ум его окончательно созрел; он замыслил теперь большой исторический труд, затрагивающий мировые проблемы. План уже был готов. Кончится война, – он его осуществит. Полон этой надежды, он снова уехал...» (Врангель, 1924: 208).

Подводя итоги анализа информационной значимости «Дней скорби», можно говорить о том, что довольно продолжительный «временной» и пространственный (в географическом отношении) характер дневниковых записей барона Н.Н. Врангеля расширяет источниковую основу для разноплановой и более объемной характеристики общественных настроений, положения на фронте и в тылу в первый год мировой войны, позволяет заполнить некоторые пробелы в освещении деятельности разноуровневых учреждений Красного Креста и их руководителей, наконец, выявить новые грани в биографии и литературном даровании их автора. Повышению информационного потенциала этого ценного исторического источника, коим являются военные наблюдения барона Н.Н. Врангеля, несомненно, может способствовать вовлечение в научный оборот его фронтального эпистолярного собрания, хранящегося в архивах Санкт-Петербурга и Москвы.

Список источников:

- Айрапетов О.Р. (1) Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914. Начало. М., 2014.
Айрапетов О.Р. (2) Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М., 2014.
Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.
Банников А.П. Документы из архивов Н.Н. Врангеля // Памятники культуры. Новые открытия. 1990. М., 1992.
Венок Врангелю. От Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Пг., 1916.
Врангель Н., бар. Старые усадьбы: Очерки русского искусства и быта. СПб., 1910.
Врангель Н.Н., бар. Венок мертвым: художественно-исторические статьи. СПб., 1913.
Врангель Н.Е., бар. Воспоминания (от крепостного права до большевиков). Берлин, 1924.
Врангель Н.Н., бар. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. СПб., 2001.
Гужва Д.Г. Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. Новосибирск, 2009.
Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1976. Выпуск 37.
Злочевский Г.Д. «Герой и рыцарь искусства». Н.Н. Врангель. Жизнь и творчество. М., 2016.
Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед «Моноклем остекливший глаз...» // Наше наследие. 2004. № 69. С. 50–68.
На позиции за ранеными. Впечатления барона Н.Н. Врангеля // Биржевые ведомости. 1914. № 14473. 3 (16) ноября.
Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014.
Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003.
d'Ensky U.-U. «С улицы Бассейной...» (рассеянные этюды о бароне Н.Н. Врангеле) // Барон и Муза. Николай Врангель. Паллада Богданова-Бельская. Дегунино-Фрязино, 2020. С. 13–85.
Kröner A. The White Knight of the Black Sea. The life of general Peter Wrangel. Hague, 2010.
Lieven D.C. The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia. 1689–1917. Cambridge, 2006.

References:

- Astashov, A.B. (2012) Propaganda on the Russian front during the First World War. Moscow. (In Russian)
Ayrapetov, O.R. (1) (2014) Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917)]. 1914. Beginning. Moscow. (In Russian)
Ayrapetov, O.R. (2) (2014) Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917)]. 1915. Apogee. Moscow. (In Russian)
Bannikov, A.P. (1992) Dokumenty iz arkhivov N.N. Vrangelya [Documents from the archives of N.N. Wrangel]. *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya [Monuments of Culture. New discoveries]*. 1990. Moscow. (In Russian)
d'Ensky, U.-U. (2020) «S ulitsy Basseynoy...» (scattered sketches about baron N.N. Wrangel). In: Baron and Muse. Baron Nicolay Wrangel. Pallada Bogdanova-Bel'skaya. Degounino-Friazino. P. 13–85. (In Russian)
Fuller, W. (2009) The Foe Within: Fantasies of Treason and The End of Imperial Russia. Moscow. (In Russian)
Guzhva, D.G. (2009) Voyennaya periodicheskaya pechat' russkoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny [Military periodical press of the Russian army during the First World War]. 1914–1918. Novosibirsk. (In Russian)
Kröner, A. (2010) The White Knight of the Black Sea. The life of general Peter Wrangel. Hague.
Lieven, D.C. (ed.) (2006) The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia. 1689–1917. Cambridge.
Na pozitsii za ranenymi. Vpechatleniya barona N.N. Vrangelya [In position for the wounded. Impressions of baron N.N. Wrangel] (1914). *Birzhevyye vedomosti [Exchange statements]*. (14473). November 3 (16). (In Russian)
Shevyrin, V.M. (2003) Vlast' i obshchestvennyye organizatsii v Rossii (1914–1917): Analiticheskiy obzor [Power and Public organizations in Russia (1914–1917): An analytical review]. Moscow. (In Russian)
Toumanova, A.S. (2014) Obshchestvennyye organizatsii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Public organizations of Russia during the First World War] (1914 – February 1917). Moscow. (In Russian)
Venok Vrangelyu. Ot Obshchestva zashchity i sokhraneniya v Rossii pamyatnikov iskusstva i stariny [A wreath to Wrangel. From the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia]. (1916). Petrograd. (In Russian)
Wrangel, N.N. (2001) «Dni skorbi». Diary 1914–1915. St. Petersburg. (In Russian)
Wrangel, N. (1910) Staryye usad'by: Ocherki russkogo iskusstva i byta [Old Manors: Essays on Russian Art and Everyday Life]. St. Petersburg. (In Russian)
Wrangel, N.N. (1913) Venok mertvym: khudozhestvenno-istoricheskiye stat'i [A wreath for the Dead: artistic and historical articles]. St. Petersburg. (In Russian)
Wrangel, N.E. (1924) Vospominaniya (ot krepostnogo prava do bol'shevikov) [Memoirs (from serfdom to the bolsheviks)]. Berlin. (In Russian)

Zapiski Otdela rukopisey Gosudarstvennoy biblioteki im. V.I. Lenina [Notes of the Department of Manuscripts of the State Library named after V.I. Lenin] (1976). Issue 37. Moscow. (In Russian)

Zlochevskii, G.D. (2016) «Geroy i rytsar' iskusstva». N.N. Vrangel'. Zhizn' i tvorchestvo [«Hero and Knight of Art» by N.N. Wrangel. Life and art]. Moscow. (In Russian)

Zolotinkina, I. (2004) Nikolay Vrangel', baron i iskusstvoved «Monoklem osteklivshiy glaz...» [Nicolai Wrangel, baron and art critic]. *Nashe nasledie*. (69). 50–68. (In Russian)

Информация об авторе

А.А. Мурашев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=655923.

Information about the author

A.A. Murashev – PhD in History, Associate Professor, History and Philosophy Department, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=655923.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.01.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.02.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2022.